

ЕПИСКОП МИХАИЛ (ГРИБАНОВСКИЙ)

НАД
ЕВАНГЕЛИЕМ

РАЗМЫШЛЕНИЯ, ИСТОЛКОВАНИЯ

Епископ Михаил (Грибановский)

Над Евангелием.

Размышления, истолкования

Православное издательство "Сатись"

1896

(Грибановский) Е.

Над Евангелием. Размышления, истолкования /

Е. (Грибановский) — Православное издательство "Сатись", 1896

ISBN 978-5-7868-0003-7

Автор книги Епископ Таврический Михаил (Грибановский) (1856–1898) – выдающийся деятель Русской Православной Церкви, духовный пастырь и просветитель. По словам современника, он «...был поистине неленостным работником на ниве Божией, в полном смысле слова ярким светильником на свещнице Церкви Христовой». Труд «Над Евангелием» был впервые опубликован в 1896 г. и явился итогом вдохновенных размышлений архипастыря над Священным Писанием. Книга вдохновляет и нас – светом духовной свободы во Христе, ясностью изложения, широтой богословской и светской эрудиции. Читатель несомненно испытает радость приближения к Истине, к свету Божественного Откровения. «Многому научил нас, – писали современники архипастыря, – много, много любви зажег в наших сердцах этот человек! Да будет ему Царство Небесное!»

ISBN 978-5-7868-0003-7

© (Грибановский) Е., 1896

© Православное издательство
"Сатись", 1896

Содержание

I	6
II	8
III	11
IV	14
V	16
VI	17
VII	19
VIII	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Епископ Михаил (Грибановский)
Над Евангелием
Размышления, истолкования

© Издательство «Сатись», оригинал-макет, оформление, 1994

I

*И сказали Апостолы Господу: умножь в нас веру.
Лк. 17, 5*

Каждый из нас имеет свою глубину и напряженность веры. При этом та и другая всякое мгновение в нас изменяются. И чем мы слабее, тем более этих перемен, и тем они непредвиденней. Мы все это хорошо знаем, если внимательно наблюдаем себя. Сейчас мы сильны духом, чувствуем его подъем, и вера так осязательно близка нам, ее тайны так прозрачны и очевидны для нашего духовного взора. Мгновение, – и волна веры отхлынула; самосознание померкло, потускнело; его цельный блеск покрылся точно рябью сомнений; уровень его сил упал, все в нас перепуталось и сжалось. Что сейчас было так ясно, казалось так возможным и очевидным, переживалось как близкое и родное, то стало чуждым, далеким, сомнительным, даже невозможным. Тайнственная стихия отступила, и всплеск волн ее затих. Душа чувствует себя обнаженной и оставленной; тревога пустоты охватывает и сушит ее. Она призывает назад родную благодатную влагу, которая так любовно покрывала ее, и в безграничном просторе которой ей было так легко и свободно. Но она бессильна задержать ее закономерно идущий отлив.

Волны нашей веры – лишь прибой и отбой к нашему духу беспредельного моря божественной жизни. И он – в руках Бога; его движения и сила повинуются Господню мановению. Он учащает его темп, увеличивает его высоты и соразмеряет его силу. Он знает, сколько благодати веры для нас нужно. От Него зависит умножение ее, и не нам что-либо изменить в определении Его. Оно рассчитано на ту глубину нашего духа, которая недостижима для нашего мелкого сознания; оно направлено к тем вечным целям, которые постоянно ускользают от нашей слабой и колеблющейся свободы. Мы должны покориться мудрости Божией и детски вверить себя Его любви к нам. Прекрасно поется в псалме: *Господи! не надмевалось сердце мое, и не возносились очи мои, и я не входил в великое и для меня недостижимое. Не смирял ли я и не успокаивал ли души моей, как дитяти, отнятого от груди матери? Душа моя была во мне, как дитя, отнятое от груди* (Пс. 130). Будем покойны на лоне Бога; не будем бунтовать против Него, когда дыхание Его благодати как будто отходит от нас, и вера не проникает и не расширяет нашего сердца своим горячим потоком. Не будем придавать цены нашим детским соображениям, отчего и зачем такие перемены со стороны Бога в отношении к нам; не будем забегать мыслью о себе вперед уделенной Им нам веры. *По данной мне благодати всякому из вас говорю: не думайте [о себе] более, нежели должно думать; но думайте скромно, по мере веры, какую каждому Бог уделил* (Рим. 12, 3).

Однако все сказанное не означает того, что наша свобода и мысль совершенно бессильны в приумножении веры в нашей душе. Мы должны пользоваться мгновениями благодатного прилива веры, как пользуется благоразумный хозяин нахлынувшим разливом горной реки для своих садов и полей. Сколько энергии и умения он употребляет на это! С прибоем реки он поспешно углубляет канавки и отводит по ним воду, куда нужно. С ее убылью он старательно засыпает их входы, чтобы сохранить воду у корней до следующего благодатного ее подъема. Подобно сему и мы не должны легкомысленно и лениво пропускать находящие на нас приливы веры, а должны пользоваться ими и заботливо питать и освежать их благодатными струями те чувства, мысли и стремления, которые насаждены в нас Христом и которые покоятся в нашей душе, и всячески хранить эту влагу веры от иссушающих сомнений в периоды упадка духа. Тогда мало-помалу незаметные, как горчичное зерно, семена Христовой жизни, при неусыпном внимании и заботливом уходе, дадут хороший всход, зацветут и принесут плод. Со временем же, став сплошным лесом крепких и ветвистых деревьев, они сами уже будут привлекать

с неба благодатный дождь веры и низводит его к самым сокровенным и глубоким корням нашей души...

Преуспевай же в вере (1 Тим. 6, 11), благочестивый читатель!

II

Истинно, истинно говорю тебе: если кто не родится от воды и Духа, не может войти в Царствие Божие.
Ин. 3, 5

Благодатное возрождение от Св. Духа есть необходимое условие для вступления в Царствие Божие и в основанную Господом на земле Церковь, для исполнения заповедей Христовых и для познания тайн Его учения. Если мы решимся идти по стопам Христа, отвергнув силу возрождения Св. Духом, то скоро увидим всю тщету наших стремлений. Если мы будем стараться исполнять Его заповеди, полагаясь только на свои силы, на своего природного, невозрожденного человека, то на первых же порах бремя окажется для нас непосильным, и мы с отчаянием падём, подавленные его тяжестью. Закон Христов для естественного человека не посилен; он гораздо тяжелее закона Моисеева, ибо утончает и усиливает его требования; осуществить его в жизни нашими слабыми и склонными ко греху силами безусловно невозможно. Закон Христов рассчитан исключительно на человека облагодатствованного; единственно только при помощи силы Св. Духа, через обновление нашего ветхого естества новой стихией благодатной жизни, он становится удобоисполнимым, и его заповеди являются только формой обнаружения и развития этой небесной стихии, а тайны Его учения тайнами нами же переживаемой нашей внутренней духовной жизни.

В настоящее время христианские общества по-видимому преклоняются перед нравственными требованиями Христова учения. И, однако, что свидетельствует нам действительная жизнь? Не чувствуют ли себя все более и более бессильными исполнить эти требования в их внутренней высоте и чистоте, в их настоящем, подлинно христианском и, потому, единственно истинном и спасительном значении? Не становятся ли люди все более и более рабами внешних условий жизни, непрерывно усложняющихся ее форм, а с тем вместе и соединенной с ними жестокой борьбы за существование, за влияние, за власть, борьбы страстей и самолюбий, борьбы всего мелочного и узко-злобного? Несомненно, это раздвоение нравственных идеалов и хода действительной жизни представляет из себя нечто поистине трагическое, полное великих мук и всяких печальных злоключений. И причина всего этого заключается в том, что благодатная сила возрождения Св. Духом перестала служить для сознания и свободы современного человека источником его будничной, частной и общественной жизни и деятельности; все думают быть христианами при помощи только своих естественных сил и соображений. Понятно, из этого никогда и ничего не может выйти надежно доброго, и перед нашими глазами неизбежные последствия такого ложного пути: все распространяющееся недовольство жизнью и все усиливающиеся ее страдания...

И как больно смотреть на эти страдания людей, горько и тяжело сознавать, что ничто извне не может помочь им! Все, что ни сделаешь – только одна капля воды, попавшая в море огня. Страдания проникают в самую глубь жизни, в ее ежедневные мелочи; как тяжелый горький осадок, они съедают самое дно человеческого сердца. Человек ходит, говорит, смеется, заботится о себе и других, – а посмотрите, что он внутри: весь изъеден скорбью жизни, как едкой ржавчиной, весь надломлен и опустошен ее бесцельностью и ненужностью, как невидимой молью и тлей. Все кругом нас и мы сами – только повапленные гробы...

И так было, есть и будет всегда, везде и всюду. Жалко видеть, как люди, точно маленькие, неразумные дети, стараются залечить зло своей жизни самоизмышленными лекарствами и мерами. Неужели до сих пор всем нас не ясно, что зло мира заключается в самом корне нашей жизни, что оно неизлечимо никакими частными, земными человеческими усилиями, что вся культура, вся цивилизация – только цвет того же корня, и цвет ядовитый, хотя и обольсти-

тельно красивый, хотя постоянно и утончающийся в своем аромате? Римляне были умнее и вдумчивее нас: перед пришествием Христа они ясно сознали, что со злом жизни ничего нельзя поделаться теми средствами, какими располагает человек. Зло так радикально, что может быть излечено только радикальным же средством, т. е. должен быть обновлен самый корень жизни, должна быть создана новая жизненная стихия, положено новое семя ее развития. Если этого нет, потому что не в силах человека, если этого не может быть, потому что нельзя представить себе, как это возможно, – то нет и не может быть избавления от зла жизни; человек и мир должны погибнуть, должны сгореть в огне страданий; все должно исчезнуть в пучине ничтожества, беспредельно нелепого и чудовищно жестокого... И Римляне сознательно погружали себя в это ничтожество, насильственно прерывая нить своей жизни...

Но что человек не мог себе представить, то на самом деле совершил Сын Божий, наш Господь и Спаситель Иисус Христос. Он затем и пришел, чтобы через ниспослание Св. Духа дать людям новую жизнь, обновить самый корень ее, положить в них новое семя к ее дальнейшему развитию. В этом Он полагал и существенную задачу Своей божественной миссии на земле.

Прошло около 2000 лет с тех пор; в десятках поколений предков мы именуем себя христианами, – и однако всмотритесь внутрь и кругом себя: как мы невосприимчивы, как мы тупы к усвоению божественной идеи и силы возрождения и обновления! Как мы легкомысленно, а иногда и преднамеренно не хотим видеть, что только в этом одном и есть выход для нас и для всего мира из бездны страданий и конечной гибели! Как мы все еще надеемся на свои силы и суеتمدимся по-пустому, всячески стараясь или скрыть или залечить извне ту язву, которая растет внутри и подъедает самый корень нашей жизни, делает нас совсем бессильными в устройении ее радости и ее спасения! Как удивиться сему, как оплакать, как вразумить наше безумное легкомыслие! Мы так измельчали в суете и сложности внешней, поверхностной, показной жизни, что сама мысль о коренном всецелом нашем возрождении кажется нам чем-то невозможным. У нас голова кружится при попытке заглянуть в глубину души и уверовать в новую жизнь, положенную в ней Св. Духом во Христе; у нас не хватает нравственного мужества и решимости оторваться на время от захватывающего нас житейского шума и спуститься туда, в эту покойную тишь, где бьет самый родник жизни, где совершается самое творчество ее, где человек в безмолвии остается один сам с собой и с невидимым Богом. А между тем все христианские мысли, чувства, дела и поступки должны возникать и расти единственно из того нового семени, которое положено на дне этого родника неизменных сил нашей души, из того животворного веяния Св. Духа, которое дышит по мановению Божию в этой таинственной области...

Неужели же мы и дальше будем все так же глухи к призыву нашего Господа возродиться и обновиться? Все так же будем считать саму идею обновления и возрождения неподходящей к непрерывно и быстро текущему нашему времени, которое, чем дальше, тем больше и глубже захватывает нас вихрем своей суеты? Неужели мы все будем только ахать и охать, изнемогая от бесцельной суеты жизни, от своих страданий и немощей, от своего утомления и бессилия, и отвергать в то же время свое единственное, дарованное нам Богом лекарство?! О, не дай, Господи, чтобы так было! Покаемся в своем прошлом, покаемся в своем легкомыслии, в своей самонадеянной гордости, в своих страстях и грехах, решим, с Божией помощью, начать новую жизнь! Устремим все свое внимание, всю свободу своего сердца и ума на дарованную нам благодать возрождения! Будем непрестанно молить Бога, чтобы Он прорастил в нас Им же положенное семя новой духовной жизни! Будем холить и питать это семя добрыми расположениями сердца, хорошими мыслями и делами на благо нашей душе и на благо нашим ближним! Будем непрестанно помнить своим сердцем и умом, что мы – новая тварь о Христе, и, сообразно с этим, во всем, и внутри и вне себя, поступать по воле Божией, по обновленному человеку, по силе всегда призываемой и всегда помогающей нам благодати Св. Духа! Отвергнем старое и ветхое, вступим с ним в беспощадную борьбу, и начнем растить в себе и кругом себя новое,

Христово. А главное, перестанем надеяться только на себя, а возложим все упование на силу Божию, действующую в нас, на благодать Св. Духа, возрождающую нас и постоянно дающую нам источник новых сил на творчество добра в себе и других! Отбросим свое самомнение и самочиние и покоримся всецело божественному водительству... И тогда спасение будет близ нас; тогда мы поймем, что такое жизнь в Церкви; тогда жизнь будет для нас легкой и отрадной; тогда все заповеди и уставы ее, весь закон Христов будет лишь желанным и радостным путем к Царству Божию, к наследию вечной блаженной жизни, тогда мы найдем силы совершить все предназначенное нам во славу Христа; тогда радость жизни обнимет и захватит нас, как облаком небесным, на сретение нашему Господу...

О Господи! буди, буди!..

III

Вы не от мира.
Ин. 15, 19

Наше призвание не здесь, на земле, наша родина и наша цель там, в том мире, к которому призвал нас Господь. Этой мыслью мы бываем иногда склонны оправдывать наше невнимательное отношение к тому, что нас окружает, и нашу холодность к тем людям, с которыми мы живем. Ею мы воспитываем в себе и то мечтательно-беспредметное настроение, при котором мы помещаем наше небо где-то в пространственно-недосягаемой дали и совершенно оторванно во всех отношениях от нашей земной жизни. Мы готовы чуть не с телескопом в руках отыскивать тот мир, куда мы вдруг будем перенесены по таинственному мановению свыше. С высоты далеких небесных перспектив, в мнимом величии как бы обитателя имеющей в будущем появиться отдаленной планеты, мы в самом лучшем случае лишь снисходительно смотрим на ту маленькую сферу деятельности и на тот уголок природы, которые предстоят нам в нашей наличной жизни... Люди, не сочувствующие Церкви, пользуются этим, чтобы указать на церковное учение о той жизни, как на какой-то темный и беспредметный мистицизм.

Так ли это? И правы ли мы?

Мы, христиане, не от мира сего. Но это не значит, что наш мир где-то отсюда за миллиарды верст, где-то за бесконечными звездными мирами. Совсем нет. Он внутри нас же самих, в окружающей нас природе, на всяком месте, в каждой душе. Он отделяется от нас не внешними далекими пространствами, а лишь поверхностью той же самой жизни, которая на этой же земле со всех сторон охватывает нас. Его свет и дыхание непосредственно близки нам; они обвевают меня из внутренней глубины духа сию минуту, вот здесь, на этом месте, где я пишу, в моей же собственной душе, которую я сейчас чувствую, из-за этой же вот природы и обстановки, которая в настоящий момент окружает меня.

Стремиться из этого мира в тот – не значит нестись и рваться куда-то в беспредельную звездную даль, в неизвестные пространства солнц и созвездий. Нет, это значит просто войти внутрь того, что находится в нас самих и кругом нас. В моей душе, какова бы она сейчас ни была, все же просвечивает нечто высшее, благороднейшее и святое, хорошие мысли, чувства и желания, та же душа, но только в более совершенной и прекрасной форме бытия. Идти туда, к тому просвету, осваиваться с тем, что открывается через него, вживаться в его атмосферу, ткать из нее свои жизненные нити, – это и значит идти в тот небесный мир, к которому мы призваны Господом. В моем теле много дурного, но и в нем, в его Богом созданной форме, в волнах его жизненной энергии, чувствуется высшая красота, высшее благо бытия, отблеск чистого счастья жизни. Низводить свой дух и свое сердце в эту благороднейшую стихию своего собственного тела, в это совершенство его идеальных форм, заключенных в нас же, вдыхать в себя только чистейший аромат жизни, веющий в ее гармонических проявлениях; напрягать и собирать свое жизненное внимание только в эту утонченную светлую область своего же телесного самоощущения, никак не распуская себя и не давая разливаться грубым волнам похоти, не поддаваясь внешним и внутренним дисгармоническим влияниям, одухотворяя и просветляя каждое свое жизненное движение, – все это и значит идти в царство не от мира сего.

Кругом меня природа, вот на этом клочке пространства, который обнимает мой глаз. Если я небрежно пробегаю по ней своим сознанием, или грубо внешне отношусь к ней, то она ничего особенного для меня не представляет: я или прохожу мимо нее, или внешне пользуюсь ею, или истребляю ее. Но стоит мне с любовью, с цельным чувством и сознанием, по-детски, по-божьи, не разбегаясь во все стороны, а всецело отдаваясь ей, взглянуться в нее, – и каждый листок дерева, каждый крохотный цветочек, каждая былинка, травка вдруг засияет для меня

такой лучезарной райской красотой, обдаст меня таким теплом и светом жизни, таким изяществом каждого изгиба и каждого тона, что мне откроется воочию рай... Что это значит? Откуда такое чудное превращение? Очень просто: мы проникли внутрь того, что ежедневно видели извне; мы своим цельным чувством ощутили ту цельную жизнь природы, которую постоянно дробим своим рассеянным внешним сознанием; мы в созерцании любви отделились на миг беззаветно вот этому деревцу, этому цветку, вместо того, чтобы эгоистически думать, нельзя ли срубить одно и сорвать другой. Одним словом, в этот чудный миг природа осталась та же, но мы вошли в тот просветленный божественный мир ее бытия и ее форм, который заключен в ней же, но которого мы, по рассеянности и грубости, доселе не замечали... Стараться отдавать свое глубокое и цельное внимание всему окружающему нас живому, всему около нас существующему, всякой былинке и вещи, входить своим умиротворенным сердцем в то светлое и прекрасное бытие, которое проникает во все и отражается во всем, – созерцать все в Боге, отказавшись от себя, – это значит идти в царство не от мира сего.

Мы не от мира сего; но это не значит, что мы отвернулись от этой природы, глядим в какую-то пустоту, во что-то темное и совершенно неизвестное. Нет, тот мир есть лишь просветление, утончение и одухотворенный расцвет этого. Мы смотрим на то же, на что смотрят и другие, но видим в нем тот мир, который для других пока остается скрытым. По-видимому в мертвом – для нас трепещет внутренняя духовная жизнь; в немом – для нас звучат небесные глаголы; в случайном и механическом – нам открывается чудный смысл и высшая разумная красота. Можем ли представить себе, что говорил незаметный цветок – лилия – сердце и очам Господа, когда Он всю славу Соломона повергал пред нею ниц?

И этот открывающийся духовно мир красоты и высшей жизни – не иллюзия, не фантазия поэта. Он есть, он реально существует за теми же формами, за той же природой, которая окружает нас. То, что для поэтов мира сего только идея, мечта, то, в еще более просветленном виде, для христианина не от мира сего – высшая реальная действительность, в которой он живет, которая скрыта для телесных очей и нечистых сердец, которая невыразима грубым человеческим языком и непредставима бледными земными красками.

Мы не от мира сего. Это однако не значит, что мы должны внутренне чуждаться тех людей, с которыми сводит нас действительная жизнь, и мечтать о других существах, которые более подходили бы к нашему идеалу. Да, мы должны быть как можно дальше от всего худого и в нас и в других; наш долг – бороться с этим неустанно и беспощадно. Но, ведь, это худое и есть то, что отчуждает людей друг от друга и производит между ними вражду и нестроения. Удаляясь этого, христианин именно уходит из этого стихийного мира, где люди – взаимные враги, в тот мир, где они могут быть друзьями и братьями. Но этот мир не в мечтательной выси фантазии, а как раз в той же самой среде и в тех же самых людях, среди которых мы живем. Как бы они ни враждовали меж собой, они все же чувствуют, что в них есть некоторый высший мир добрых чувств: любви, истины, благожелания и самопожертвования. Извне и по инерции страстей они ведут жестокую взаимную борьбу, но внутри они не могут не чтить общей единой святости всех, которая невидимо и неслышимо проникает самую глубину их грешных душ. Вот в этой-то действительной святине действительных окружающих нас людей и есть «тот» мир, в котором мы должны жить, как христиане.

Люди мира сего думают, что эта святость – только одна мечта, только несуществующий идеал: что она только в личной фантазии и в благих порывах каждого и ничего действительно-властного и сущего из себя не представляет. Она скрашивает эту тяжелую и прозаичную жизнь своими грезами, но сама только греза и не более. Умер человек, развеется тело, – и греза исчезает, как туман.

Христианин своим духом непосредственно переживает реальность этой святости. Он чувствует, что этот мир любви и гармонии уже существует, уже есть в глубине духа в каждом из окружающих, только нужно захотеть и суметь войти в него. Он сознает, что это не его только

создание, не его только благой порыв, а более, гораздо более объективная и вечная действительность, чем все другое, видимо предстоящее нам. Он проникает до той внутренней глубины, где враждующие вокруг него люди сошлись им самим неведомыми корнями своего духовного бытия и погружены в благодатный мир небесного царствия. Этот мир внутри их, но только так глубоко и за столькими, сотканными часто ими же самими, покровами и масками, что они не знают его хорошо и не чувствуют всей красоты и силы его вполне реальной жизни. Христианин видит его и идет к нему.

Христианин должен всецело жаждать этого внутреннего царства. Но это не значит, что он должен быть поэтом косо недеятельным или праздно-мечтающим в этом мире. Благодатная жизнь неба открывается для нас по мере свободного просветления земли. Делать душу и тело свои чистыми и святыми, возводить окружающую нас природу к ее совершеннейшим формам; просветлять всю сферу данной нам конкретной жизни, животворить ближних тем дыханием, которое мы сами получаем свыше; передавать им ту радость, ту благодать, которая охватывает нас, открывает в них небо, которое открылось в нас; отдавать им свою жизнь, чтобы она возродилась и зацвела в них; короче: подражать Христу, апостолам, Святителям и мученикам, – вот самый верный и надлежащий путь к царству «не от мира сего».

Таким образом, верующий в «то» царство входит в самое внутреннейшее общение с окружающими его людьми, хотя часто и неведомо для них. Не помимо их он ищет того неба, к которому призван, а в них же и через них же. Он идет к тому миру через деятельное общение с ближними этого мира, будь оно в сфере мысли, дела или невидимой молитвы и любви. То, что может казаться уединением христианина, только видимость. Он ближе к своим ближним, чем сами ближние между собой и к сами себе. Он не мечтает, а реально живет в том действительном мире, который скрывают от нашего духа наши земные мечтания. Его царство «не от мира сего» – не в туманной дали времен и пространств, не в отвлеченной пустоте измышлений и призраков, как у земных поэтов и мыслителей, а сейчас, в этот миг, на этом небольшом пространстве, в этой среде, между этими ближними. Он сквозь них же, в их собственной глубине, видит просветленный чудный мир того царства всякой красоты, жизни и гармонии, который всегда обнимает их, но в который они никак войти не могут, неудержимо скользя по блестящей поверхности этого мира в развертывающийся пред ними ряд грандиозных внешних перспектив.

Царствие Божие внутрь вас есть (Лк. 17, 21).

IV

Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю.
Мф. 5, 5

Мир, полный лукавства и беззакония, преуспевает на пути своем; он с шумом и торжественно несется по пути внешнего развития, не зная Бога и не нуждаясь в Нем. Благочестивый человек, пребывая в Церкви, остается совсем в стороне от этого шумного и победного шествия; он нравственно никак не может примкнуть к нему и сделаться одним из деятелей и участников его. Однако внешний успех мира, его победные клики, его презрительное отношение к смиренной Христовой Церкви – не могут ли иногда смутить и верующее сердце, не могут ли иногда заронить искру зависти и ревности даже и в мужественную душу? Люди мира сего во лжи и без Бога, обгоняя и попирая друг друга, покоряют землю и овладевают ее благами. А живущие во Христе, стараясь блюсти внутреннюю правду и жить по-божьи, конечно, по необходимости должны отстать в этом состязании, и, конечно, на них свысока и с презрением будут смотреть обгоняющие их на всех путях гордые деятели мира.

Но не будем смущаться этим. Пути Церкви в руках Бога. Предадим Ему пути наши и не будем бояться. Он выведет, как свет, правду нашу и справедливость нашу, как полдень.

Мы должны твердо верить в силу и крепость нашего Бога. Даже гнева мы не должны допускать в своем сердце, видя успехи беззаконников, а тем более ревновать до того, чтобы им делать зло. Не наш ли Бог еще устами Давида открыл нам, что делающие зло истребятся, и кроткие наследуют землю и наслаются множеством мира? Разве это обещание Бога может не исполниться? А Христос не то же ли сказал нам: Блаженны кроткие, ибо они наследуют землю? Конечно, для нас это обетование звучит несколько странно: неверие и безбожие мира успело и на нас набросить свою тень, и мы колеблемся верить в торжество кротких на этой земле, и наследование земли готовы понимать в общем туманно-отвлеченном виде какого-то иносказания...

Но тут прямой смысл и прямая правда, и она осуществится вполне, когда придет Христос на землю со всеми святыми, когда будет новое небо и новая земля, и когда кроткие, обновленные, подобно Ангелам Божиим, наследуют эту землю, данную им Богом в удел при создании мира.

И посмотрите, как уже во многом исполнились откровения Божии относительно кроткой Церкви Христовой. Не скрежетали ли на нее зубами своими представители иудейского народа, и не посмеялся ли над ними Бог, предвидя день их национальной гибели? Не обнажали ли своих мечей, не натягивали ли своих луков язычники, чтобы низложить Церковь бедных и нищих, чтобы пронзить идущих прямым путем? И не вошел ли меч их в их же сердца, и не сокрушились ли их луки? Не преклонилась ли языческая сила к подножию креста Христова, предварительно в безумии распяв на крестах множество невинных жертв? И кого хотели стереть с лица земли всяческими способами муки и смерти, – не они ли терпением и кротостью победили своих мучителей и наследовали их землю?

Но борьба мира против Церкви не прекратилась. Насилие из одной формы перешло в другую. Побежденное в одном роде оружия, оно схватилось за другое. Безбожные владетели несметных богатств мира, воюющие и теперь против Христа и Церкви, держащие в своих руках судьбы народов и забирающие в свою власть землю, – кто они, как не те же прежде скрежетавшие зубами на апостолов еврейские начальники, как не те же бичевавшие и казнившие их представители языческой силы?

Но и их судьба предсказана. В то время, как они, соединившись вместе, войдут в славу и вознесутся, – их постигнет гибель; исчезая, исчезнут они, как дым... И современный соци-

ализм и анархизм не есть ли предвестники исполнения этого предсказания? Нашествия полчищ кровожадных варваров извне и изнутри также в руке Божией, как и все во вселенной, и злые силы, побивая и ниспровергая друг друга, а иногда карая и добрых за преступления и грехи, исполняют великий закон нравственного возмездия и неумытной справедливости, которая присуща самым стихиям мира, и от которой никто и нигде вырваться не может. И этот закон рокового саморазрушения зла, насилия, гибнущего от собственного же насилия, исполняясь здесь, на земле, очищает на ней место торжеству кротости. *Уповай на Господа и держись пути Его: и Он вознесет тебя, чтобы ты наследовал землю* (Пс. 36, 34).

V

Горе вам, книжники и фарисеи, лицемеры, что даете десятину с мяты, аниса и тмина, и оставили важнейшее в законе: суд, милость и веру; сие надлежало делать и того не оставлять. Вожди слепые, оцезивающие комара, а верблюда поглощающие.

Мф. 23, 23–24

Вот ответ на вопрос: как относиться к внешним и мелким обычаям Церкви? Те, кто исполняет их, должны всегда знать, что это лишь частные и мелкие обнаружения внутреннего и важнейшего, имеющие значение единственно только при соблюдении последнего. Если же внутреннее и важнейшее из Евангелия и заповедей Церкви ими не исполняется, то они подлежат осуждению, как книжники и фарисеи, которые лицемерно оцезивали комаров, чтобы незаметно и под шумок поглотить верблюда.

Те, которые не исполняют обычаев Церкви и даже считают себя вправе соблазняться ими, должны принять во внимание слова Господа: *Сие надлежало делать и того не оставлять*. Господь даже лицемерным книжникам и фарисеям прямо не говорит: вам не то нужно делать, не мяту, анис и тмин одесятствовать, а соблюдать суд, милость и веру. Он не говорит так; Он не противопоставляет одного другому; Он лишь разъясняет, что *это* нужно делать и *того* не оставлять; Он их обличает лишь в том, что они, оцезивая комаров, поглощают верблюдов. Но он никак не говорит, что нужно пить с комарами: оцезивайте и комаров, но, главное, не поглощайте верблюдов.

Таким образом, Он указывает на то, что уничтожена гармония между главным и второстепенным, что соблюдение мелких обычаев служит лишь отводом глаз, лишь лицемерным прикрытием, чтобы нарушить главнейшее и существеннейшее. Только это Он и имеет в виду, отдавая подобающее место и внешним обычаям.

Господь тонко различает степень важности соблюдения несущественного и существенного: первого *не нужно оставлять, не нужно опускать*, а второе – главное – *должно делать*; одно выражение в отрицательной, другое в положительной форме; то – как внешнее украшение, дополнение главного; это – как основание, фундамент. Кто пускает пыль в глаза внешними проявлениями благочестия, чтобы незаметно положить гнилое или фальшивое основание, тот лицемер. Но кто добросовестно создает здание Богу, тот, устроив его на прочном фундаменте, заботится и о красоте его форм, и об изяществе каждой мелочи так, чтобы во всякой детали сияла одна и та же высшая идея и гармония целого. Это и есть вся поэзия обычаев Церкви; и кто строит здание без них, тот строит казармы, а не храм, казенное здание, а не любимое жилище Бога...

VI

Смотрите, не творите милостыни вашей пред людьми с тем, чтоб они видели вас: иначе не будет вам награды от Отца вашего Небесного. Итак, когда творишь милостыню, не труби пред собою, как делают лицемеры в синагогах и на улицах, чтобы прославляли их люди. Истинно говорю вам: они уже получают награду свою. У тебя же, когда творишь милостыню, пусть левая рука твоя не знает, что делает правая, чтобы милостыня твоя была втайне; и Отец твой, видящий тайное, воздаст тебе явно.

Мф. 6, 1–4

В приведенных словах Евангелия Господь устанавливает исключительно религиозное значение милостыни. Она имеет отношение только к Богу; она должна совершаться только перед Ним, перед Его очами, как жертва во славу Его. У нас теперь обычный взгляд, что благотворение есть дело гуманности, что оно должно иметь внутреннее отношение только к человеку или к обществу. Когда мы подаем милостыню, мы смотрим на это так, что мы делаем добро человеку, благотворствуем ему. Когда мы жертвуем на какое-нибудь общественное дело, мы думаем, что приносим благо обществу... Мысль о Боге у нас при этом если и есть, то занимает второстепенное место. Поэтому-то естественно, что мы смотрим, как отразилось наше добро в сознании тех, для кого мы его сделали. Мы положили в руки нищему монету – и смотрим, благодарен ли он нам; мы пожертвовали обществу денег – и ожидаем от него признательности. Разговоры о нашей щедрости, статья в газетах о ней – все это, совершенно понятно, требуется нами, как необходимое следствие нашего доброго дела, если мы делаем его только ради человека. Мы бросили зерно на ниву людей и, естественно, ожидаем всхода на ней, который показал бы нам, что мы бросили не напрасно, что почва благоприятна...

Господь совсем не так повелевает нам смотреть на это. *Я и Бог* – вот только кто должен быть при благотворении. Я даю милостыню – это все равно, что я приношу жертву Богу. Человек, которому я подаю, это только живой жертвенник. Я должен быть благодарен ему, что он есть, что он около меня, и я могу на нем выразить свою любовь к Богу посильной жертвой. Его признательность или не признательность – для меня дело постороннее, как качество материала, из которого сделан жертвенник. Он должен быть сделан из хорошего материала, но собственно к моей жертве мысль об этом не имеет никакого внутреннего отношения. Одного следствия я должен желать: это – чтобы моя жертва была угодна Богу, чтобы Он принял ее. А это тем скорее может быть, чем чище она, т. е. чем менее в ней посторонних мотивов и мыслей о славе и человеческих соображений о благодарности, чем пламенней она устремляется к Богу и только к Нему одному. В священной истории есть картины, изображающие жертвы Каина и Авеля. У Каина дым стелется и разносится по земле, у Авеля же прямо возносится к небу. Может быть, это и действительно было знаком, по которому они узнали, что жертву одного Бог отверг, а жертву другого принял. Во всяком случае, у древних народов это было средством узнавать, угодна ли жертва Богу или нет. То же самое может быть приложено и к нашим благотворениям. Худо, если молва о них стелется по земле, разносится ветром газет по всем городам и селам. Хорошо, если они, как жертва Авеля, возносятся прямо к Богу, в чистой, лазурной тишине нашего сердца. Если мы будем так смотреть на милостыню и на всякую благотворительность, то, само собой разумеется, мы не только не будем трубить о ней во все стороны, но, наоборот, постараемся укрыть ее от взоров людей, как мы укрываем все, наиболее дорогое и внутреннее, как мы делаем это в отношении самой сердечной молитвы, как мы вообще избегаем посторонних развлекающих взоров людских, когда хотим остаться одни перед Богом.

Понятно тогда и то, что наша левая рука не будет знать того, что делала правая, т. е. что мы ни на один шаг не будем самодовольно останавливаться мыслью на сделанном и придавать ему внешнее значение. Что бы мы ни сделали, мы этим принесли только Богу жертву и воздали Ему хвалу в данную минуту. Какая бы ни была жертва – она ничтожна перед Богом и только дорога Ему по мере нашей веры в Него, нашей любви к Нему. Ты положил кусочек ладана в кадило, ты зажег восковую свечку перед образом: прошел миг – и все сгорело. Большой или маленький кусочек ладана положишь ты, с золотом или без золота поставишь ты свечку – разве не все равно для Бога, разве перед Ним не вера только твоя ценна, разве Ему не любовь только твоя к Нему дорога? И будешь ли ты останавливаться мыслью и хвалиться перед собой, что ставил большую свечу? Разве она имеет какую-нибудь важность сама по себе для Того, перед Кем светят миллионы солнц? Разве она не сгорит так же, как и маленькая? Так точно и с благотворениями. Кто приносит ими жертву Богу, тот знает, что много ли, мало ли он принес – для Бога это равно ничтожно: Ему принадлежит и небо, и земля, и все богатства вселенной. И потому такой благодетель никогда не станет останавливаться на мысли о важности сделанного им и только поблагодарит Бога, что в данный миг удалось посылить Ему свою любовь и прославить Его... И в следующий миг он уже заботится о новом прославлении Бога и не думает о прежнем, которое уже прошло, как благоухание кадила, о котором долго размышлять не имеет никакого смысла.

Кто своему благодетелю придает только человеческий, личный или общественный характер, кто пускает свои добрые дела в оборот людских отношений, рекламируя себя, ища благодарности, домогаясь славы, хвалясь пользой, – тот должен знать, что делает он дело человеческое, а не Божие, что он поступает, как, может быть, и хороший язычник, но не как христианин, что плоды его дел не оставят никакого следа в вечности и погибнут вместе со всем шумом и со всей суетой этого мира, что до Бога они не доходят и с исполнением заповеди Христа не имеют ничего общего... Различные толки газет и сообщения о благодеяниях так же в существе дела уместны, как отчет о том, насколько кто усердно молится Богу в церкви, как вздохнул и когда перекрестился. Все это дело чисто внутреннее, сокровенное, дело, которому подобает быть вдали от посторонних взоров, и кто лезет сюда с непрошеным любопытством, тот совершает нравственное преступление. Так и относительно всякого доброго дела: оно должен быть только *видом нашей молитвы к Богу*, нашего прославления Его имени, нашей Ему благодарности.

VII

И сел Иисус против сокровищницы и смотрел, как народ кладет деньги в сокровищницу. Многие богатые клали много. Придя же, одна бедная вдова положила две лепты, что составляет кодрант. Подозвав учеников Своих, [Иисус] сказал им: истинно говорю вам, что эта бедная вдова положила больше всех, клавших в сокровищницу, ибо все клали от избытка своего, а она от скудости своей положила все, что имела, все пропитание свое.

Мк. 12, 41–44; Лк. 21, 1–4

Вот как Господь оценивает нашу благотворительность. Он не смотрит на то, тысяча рублей или одна копейка положены в сокровищницу; а смотрит только, с какой степенью самоотвержения и преданности Ему сделано это. Вдова все, что имела, положила; значит, ее любовь к Богу была сильнее, чем у богача, который положил сотую или тысячную долю того, что имел. Поэтому и Господь оценил ее две лепты дороже всех богатых вкладов. Для Него имеет значение только внутренняя сторона благотворительности, для Него дорого только одному Ему ведомое чувство, которое породило ее, а не внешнее качество жертвы. Отсюда видно, что наш обычный взгляд на благотворение с чисто внешней стороны не может быть назван христианским.

У нас теперь все только и говорят о росте общественной благотворительности в христианских государствах, о тех крупных пожертвованиях, которые сделаны в Англии, Америке и Франции. Конечно, все это хорошее дело; но мы должны всегда помнить, что эта внешняя оценка имеет чисто языческий характер и с христианской оценкой не имеет ничего общего. Ведь и язычники раздавали деньги неимущим, делали пожертвования, строили общественные здания и пр. И, конечно, с внешней стороны это было не худое дело, даже если при этом они думали только о своей славе или лишь умело бросали лишние у себя деньги... Язычество не имело дела с внутренним человеком, который стоит пред Богом и только перед Ним одним... Христианство же только и знает этого внутреннего человека, и для него внешнее само по себе не имеет никакой цены. Христу дорога только негибнущая душа человека; Ему дорого только то чувство бескорыстной любви, которое цветет и благоухает перед одним Богом в самой сокровенной глубине нашего духа, а не то внешнее, что пройдет и погибнет, когда наступит час...

Не с тем все это говорится, чтобы осуждать внешнюю благотворительность: ведь и Христос не осудил тех богачей, которые приносили от своего избытка в сокровищницу храма... Хотелось бы только указать, что не нужно смешивать языческую точку зрения на добро, как на что-то внешнее, с христианской точкой зрения на то же добро, как на сокровенно внутреннее; что не нужно считать рост внешней общественной благотворительности за рост христианства, которое может не иметь с ней ничего общего; что не нужно измерять свою христианственность, или церковность, пожертвованными копейками или рублями, тысячами или миллионами, милостыней нищему или громадными зданиями... Кто так оценивает добро, пусть тот знает, что он оценивает по-язычески. Христос взвешивает только ту силу любви к нему и пламенной ревности по Боге, которая двигает твоей благотворящей рукой и которая ведома только Ему одному, смотрящему прямо в твое сердце...

Чтобы богатому, пожертвовавшему тысячи или миллионы, сравниться с бедной вдовой, отдавшей Богу свою последнюю копейку и выразившей тем свою пламенную и всецелую любовь и преданность Ему, он должен отдать так же, как и она, все, что имеет, и с такой же, как и она, беззаветной любовью к Богу и верой в то, что Он позаботится о нашей жизни и нашем пропитании.

VIII

И когда выходил Он из храма, говорит ему один из учеников его: Учитель! посмотри, какие камни и какие здания! Иисус сказал ему в ответ: видишь сии великие здания? все это будет разрушено, так что не останется здесь камня на камне.

Мк. 13, 1–2; Лк. 21, 5–6

Глубокая и многозначительная внутренняя связь между словами Господа по поводу бедной вдовы, положившей в сокровищницу храма две лепты, и последующим вопросом учеников и ответом на него Господа о богатстве и благолепии храма. Господь видел у сокровищницы, что богатые приносили много, и однако отдал преимущество бедной вдове, говоря этим, что благотворение ценно только с внутренней стороны и с э той последней только и может быть измеряемо Богом. А ученики сейчас же указывают на богатство храма и говорят: «Как же так? А посмотри, что сделали богатые приношения! Посмотри, какая красота храма и сколько в нем драгоценностей! Разве это могли сделать бедные вдовы, вносявшие по лепте? Это – заслуги богатых...»

И что Господь отвечает на это! *Придут дни, в которые из того, что вы здесь видите, не останется камня на камне; все будет разрушено.* Вот ценность всех богатств, всех внешних украшений и сокровищ: наступит час, когда все это пройдет, как прах, как пыль, обратится в ничто...

Не все ли и мы, подобно ученикам Христовым, подпадаем под соблазн внешнего? Разве, в самом деле, не кажется великим делом – само по себе, помимо всякого внутреннего достоинства – вся эта внешняя сторона благотворительности, все эти воздвигаемые великолепные храмы, музеи, богадельни, приюты и пр.? Пусть кто пожертвовал на это, сделал так не ради Бога, или если и для Него, то не забывая и себя, – что нам до того? Перед нами то, что они сделали: эти храмы, дома, дворцы, эти богатые украшения в них...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.